

ПОТЕРЯННЫЙ ВО ТЬМЕ

Юрий Пятанов

18+

Юрий Пятанов

Потерянный во тьме

<https://litres.ru/74617189>

SelfPub; 2026

Аннотация

Человек в монашеской рясе с капюшоном на голове, закрывающим его лицо полностью и огромными часами в руках, убегает от пяти стражников в средневековых доспехах. Вокруг него каменные стены замка, освещенные факелами

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Юрий Пятанов

Потерянный во тьме

Глава 1

Глава 1.

Давным-давно... Нет, не так. Привет... Тоже не то. В общем, здравствуй, дорогой дневник. Я уже слишком стар для того, чтобы держать свои воспоминания при себе, но всё ещё в кондиции, чтобы рассказать о них. Время не стоит на месте, и, возможно, они кому-нибудь пригодятся в будущем. Всё началось много лет назад, когда я был ещё мальчишкой. Интригующе, не правда ли? Возможно, у Вас уже могли появиться воспоминания о Вашем дедушке, который усаживается в кресло после хорошего обеда, берёт в зубы папироску и, выпуская кольца сизого дыма, пускается в повествования о собственной молодости или любых других былых временах. Спустя годы я начал понимать, какую же мудрость доносили до нас старожилы наших семей, но, как правило, мы не учились на их ошибках, да и на своих тоже. Порой я вспоминаю наш фамильный дом, где всегда было варенье к чаю или пироги с ягодами. Где даже время шло по-другому: гуляя в тени раскинувшихся яблонь, я понимал, что целое лето ещё впереди. Эх, беззаботная юность! Что ж, я немного отвлёкся

— всё-таки возраст берёт своё. Звать меня... Как же меня зовут? Сейчас вспомню. Ах, как же несовершенна наша память! Я отчётливо помню последние 137 лет своей жизни, но совершенно забываю, как называли меня родители. Удивлены? Отнюдь. Я не долгожитель: по человеческим меркам мне не более шестидесяти лет, если бы не одно «но»: многие годы я провёл в другом времени.

Чтобы не говорить загадками, я объясню сразу: я путешественник во времени. Звучит это с очень большим натягом, но это так. Всё началось, где-то 120 лет назад. Сколько же это по вашему времени? Неважно. На дворе стоял 2027 год (или 29?), и меня, 18-летнего мальчишку без каких-либо целей по жизни и без копейки в кармане, должны были отправить в рабочий дом. Так вышло, что вся моя семья погибла в одночасье; я был далеко от них, так как меня отправили в летний лагерь, где я здорово проводил время со своими сверстниками и сверстницами. Помню Аню, нашу вожатую. Её веснушчатое лицо всегда излучало яркий, тёплый свет. Казалось, в неё влюблена вся наша смена, как и я, — а чем я хуже? Я помню, что был на рыбалке вместе с мальчишками из нашего корпуса, когда мне сообщили, что я остался один. Печальная история, на самом деле. Увы, я не видел, как мои родные отправились в последний путь, и что осталось от нашего дома, мне тоже неизвестно; я лишь знаю, что он сгорел дотла. Мне было 14 лет. Меня достаточно быстро определили в детский дом, где своё жалкое существование трудно на-

звать жизнью. Это больше походило на концлагерь для особо провинившихся. Нас морили голодом за плохое поведение, применяли порку. Увы, таковы были реалии жизни по ту сторону забора. Уже тогда я научился главному, что позволило мне выйти оттуда с уцелевшей психикой и всеми пальцами, — я говорю о навыках маскировки. Звучит так, будто я говорю о тактических навыках спецназа или любой другой похожей организации, но нет: всё куда проще, но смысл тот же.

Извините, я опять отвлёкся. Через пару лет пребывания в детдоме города X (сейчас этого города уже не существует) мне посчастливилось, и меня решили усыновить. Я помню тот день очень смутно, ровно до одного момента, когда от директора я услышал фразу:

— Собирай свои вещи, сынок, это твои новые родители.

Как-то для себя я до сих пор не определился, радостное это воспоминание или всё-таки не очень. Всё дело в том, что я не слишком люблю какие бы то ни было изменения вокруг себя и тем более в распорядке дня. Да, вот такая я педантичная натура. Но не суть. Мне понравилась новая жизнь. Господин и госпожа МакКейв оказались очень хорошими и приятными людьми. Из минусов, конечно, то, что мне пришлось переехать жить в другую страну. Следующие пару лет можно сравнить с чем-то приятным и запоминающимся — к примеру, как первый танец с любимой девушкой. Плохое сравнение, но, увы, первое, что пришло в голову.

Я жил в достатке, в большом доме, обзавёлся новыми дру-

зьями, знакомствами. Поступил на учёбу, и вроде жизнь начала налаживаться, но в стране начались погромы, всё дошло до революции. Мои новые родители погибли, как и все, кто отказался подчиниться новому режиму. Со мной долго не знали, как поступить, ведь я — чужеземец. В итоге депортировали на родину. И вот мне 18 лет: нет ни документов, ни денег, даже негде ночевать. Тогда ещё действовала статья УК о бродяжничестве — по ней дорога одна: в рабочий дом. Это место, где на тебя вешают метку раба в буквальном смысле. Не клеймят, конечно, но где-то близко к этому. Зато взамен предоставляют угол, где спать, и какую-никакую копеечку в виде зарплаты. И ту отбирали, так как налоги сами себя не оплатят. Согласен, как-то бесперспективно. В то время вообще было как-то плохо с официальной работой, а та, что была, — туда было не попасть. Всё решали связи, которых у меня не было. Как обычно и бывает в историях — «и жили они долго и счастливо», — всё решил случай.

Мне довелось попасть в здание местного университета, который проводил набор добровольцев для одного эксперимента. Вроде обещали солидный по тем временам гонорар, что было бы очень кстати. К тому моменту я скитался по улицам, ночевал на вокзалах, а где брал еду — вам лучше и не знать. Я помню, как почувствовал себя странно и неудобно, попав в кабинет, где сидела женщина на вид лет тридцати пяти — сорока. Сейчас я могу судить о её возрасте по многим признакам, но тогда я посчитал, что ей в районе пятиде-

сяти. Да, официально-деловой костюм, причёска «пирожок» и пенсне на носу ещё никого не молодили. Кабинет мне тоже не показался странным: повсюду висели картины в дорогих резных рамах, лепнина на стенах и потолке, даже медвежья шкура на полу присутствовала, не говоря уж о камине. В общем, зайдя в кабинет, она даже не обратила на меня никакого внимания, а просто, изящно выгнув кисть руки, в которой находилось перо, указала мне на резной стул у стены — прямо напротив её стола. Хотя я и пытался привести свой внешний вид в порядок, выглядел я скверно. Из-за чего даже побоялся сесть, дабы ничего не испачкать. Однако короткое покашливание из-за моей спины дало понять, что всё в порядке.

Молча повинувшись, я присел и стал ждать, что произойдёт дальше. Пару минут спустя она положила перо на стол из красного дуба, подняла на меня свои ярко-голубые глаза и спросила:

— Почему вы решили, что сможете подойти для нашего эксперимента?

Дальнейший мой монолог представлял собой какую-то мешанину из слов на двух языках, вздохов, междометий и грудных звуков. Я никогда не был таким растерянным, как в тот момент. Однако, видимо поняв, что обдуманного и связного ответа она от меня не получит, продолжила задавать мне вопросы:

— Сколько языков вы знаете?

— Два, — ответил я.

— Какие науки знаете на отлично?

— Э-мм... — я растерялся ещё сильнее, так как учился, что называется, «спустя рукава», да и вообще никогда не тянуло к наукам.

— Как хорошо знаете историю?

— Честно говоря, посредственно. Простите, как я могу к вам обращаться?

— Зовите меня мадам Дюпри, — сухо услышала я в ответ.

— Мадам Дюпри, — было начал я, — простите, но что за эксперимент?

В общем, какой-то полезной информации я не услышал, да и не в её интересах было выкладывать всё первому встречному. Результаты собеседования оставляли желать лучшего, попросту говоря — я полностью провалился. Уже было начал расстраиваться, что снова придётся драться с собаками за кусок хлеба, я поднялся и направился к двери. Но тут по пневмотрубе прилетела капсула с бумагами. Мадам Дюпри развернула содержимое, бегло осмотрела всё описанное и, не

скрывая своего удивления, спешно окликнула меня. Выражение её интонации сменилось на очень дружественное. Из своего стола она достала толстенную папку, вытащила оттуда пачку листков и протянула их мне. Договор на зачисление. Бинго! Я точно помню, что в одном из пунктов говорилось о том, что никто не несёт ответственности за мою жизнь и за все решения, которые будут приняты мною во время эксперимента.

— Простите, мадам Дюпри, — прервал я тишину, оторвавшись от бумаг, — но что означает фраза о принятых решениях во время эксперимента?

Мадам Дюпри оторвала свой взгляд от стола, на котором располагались стопки бумаг, и свет от горящего камина блеснул в её пенсне.

— Об этом, юноша, вы узнаете во время обучения. Подпишите договор и отправляйтесь в кабинет 798 — вас там уже ждут.

Не успев сказать ни одного слова, перо, которое я держал в руке, укололо меня в палец, и несколько капель крови попало на листы с контрактом.

— Этого достаточно, — сказала она, поднялась из-за стола и забрала у меня документы. — Кабинет 798 находится на 9-м этаже. Лифт за вами уже спустился.

Она села на своё место. Не успев ничего понять из происходящего и возразить о том, что здание четырёхэтажное, я увидел, как позади её стола отодвинулась большая картина,

а за ней располагалась шахта лифта. И действительно, лифт за мной спустился. Всё так же не поднимая взгляда от бумаг, мадам Дюпри проводила меня жестом руки в сторону лифта. Войдя внутрь, первое, что приковало моё внимание, был лифтёр. В небольшой кабинке он занимал добрую половину пространства — ростом под два метра. Я удивлялся, как он мог стоять в полный рост, ведь казалось, что ещё немного — и он своей головой пробьёт крышу лифта. Его лицо не выражало никаких эмоций, абсолютно. Пустые, безжизненные глаза — он больше походил на оживший труп. Второе, от чего я не смог отвлечься, — это его рот, точнее, губы, точнее, тот факт, что их, как бы это помягче сказать, попросту не было. А то место, где у людей расположен рот, было зашито нитками — причём очень аккуратно.

«Они ставят эксперименты над людьми!!!» — в немом ужасе я уже вжался в стенку и даже не заметил, как мы приехали на нужный этаж.

— Молодой человек, вас не учили, что глазеть на других неприлично? — послышалось, где-то сбоку от меня.

Всё так же вжимаясь в стенку, я наконец совладал с собой и перевёл взгляд. Передо мной стоял высокий мужчина лет пятидесяти пяти в белом врачебном халате, с небольшой седой бородкой и очень тощей левой ногой. Как впоследствии выяснилось, вместо ноги у него был протез, но бегал и передвигался он ничуть не хуже какого-нибудь легкоатлета.

— Спасибо, Харон, дальше мы сами.

Здоровяк кивнул и одним движением своей могучей руки вытолкнул меня из лифта. Двери за моей спиной закрылись, и проход куда-то исчез: повернувшись назад, я обнаружил лишь стену. Назад пути уже не было.

— Наверное, тебе очень интересно, где ты находишься? — заговорил мужчина в халате довольно-таки высоким голосом, который уходил в лёгкую хрипотцу.

Он не выглядел агрессивно, скорее наоборот — будто сейчас он достанет из кармана халата плюшевого мишку.

Мы быстро двигались по ярко освещённым коридорам. Казалось, будто преодолеваем какой-нибудь лабиринт: стоит лишний раз моргнуть — и отсюда уже не выбраться. На очередном повороте передо мной открылся широкий холл, густо увешанный зелёной растительностью, с мини-прудиком и картинами. Куда ж без них. Примерно каждые девять-десять метров по обе стороны были открытые двери; оттуда доносились голоса людей, гул кипящей жизни, смех и так далее. Я не слышал ни криков, ни мольбы о помощи, и это обнадеживало.

— А-а-а, понимаю, тебе нужно немного приспособиться к новой обстановке, — продолжал он говорить, с каждым шагом ускоряя собственную речь. — Зовут меня профессор Дирдорф, я являюсь руководителем программы «Мираж».

— «Мираж»? Простите, но где мы? И что всё это значит? — Я чувствовал, как начинают сдавать мои нервы.

— Молодой человек, не волнуйтесь, сейчас мы дойдём до

кабинета, и я всё подробно расскажу.

Мы продолжали петлять по коридорам. В какой-то момент мне казалось, что здесь мы уже проходили, пока профессор не остановился, чтобы сказать:

— Вот он, мы пришли.

С виду его кабинет ничем не отличался от любого больничного кабинета: одинокий столик с ровными стопочками бумаг, кушетка и ширмочка в углу, стеллажи и шкафчики с разными бутылочками и скляночками.

— Ну-с, присаживайтесь, — профессор указал мне на стул.

Из стола он извлёк толстенную картонную папку, на обложке которой красовалась моя фотография. Вкратце он объяснил мне, что «они» заинтересованы во мне и давно следили за моей жизнью.

— Что значит «вы следили за мной»? — странное чувство смещения гнева и страха прокатилось волной по моему телу.

— Юноша, не переживайте. Вы находитесь в центре изучения временных аномалий. Мы занимаемся поиском людей, пострадавших от случайных всплесков и выбросов всевозможных искажений времени и пространства, — всё это время он не сводил с меня глаз, будто наблюдая за тем, когда я пойму, что меня разыгрывают, и начну искать скрытую камеру. — Сюда попадают лишь избранные.

— Извините, профессор, но это какая-то ошибка. Почему я?

— Никакой ошибки быть не может, — твёрдо произнёс профессор и встал из-за стола.

Пока я находился в состоянии, которое и описать-то тяжело, мой новый знакомый продолжал:

— На вас, молодой человек, ложится очень большая ответственность, но и награда вас ждёт соответствующая.

— Да что здесь происходит?! — уже вскипел я. — Пожалуйста, объясните мне. Что вам от меня нужно?

Профессор подошёл к окну и закурил сигарету. Сизый дым быстро стал заполнять комнату, но его это не смущало — в отличие от меня. Взглядом он был уже далеко от этой комнаты и очередного интерна (лаборанта? подопытного?). Выпустив очередное кольцо дыма, Дирдорф наконец перевёл взгляд на меня, слегка улыбнулся и спешно, но подробно стал рассказывать про суть происходящего здесь и мою роль во всём этом.

Оказалось, лаборатория готовит будущих путешественников. Их задача — находить людей, которые столкнулись с аномалиями времени. Да, я тоже был удивлён, когда узнал, что люди не пропадают без вести, а именно проваливаются в какой-то временной период. А задача этой организации — отправляться по местам искажения времени и пространства, возвращать «пришельцев» в своё время и попутно исправлять всё то, что они могли там натворить. Эффект бабочки, мать его. Почти сразу вспомнилась фраза из какой-то телепередачи о том, что мы можем существовать только в сво-

ём времени. Дальше состоялся очень длинный разговор с заполнением всевозможной документации. Единственное, что я понял: сюда попадают далеко не все. Организация следит за всеми, у кого в крови находятся А-гены — то есть гены нулевой цивилизации. Увы, подробностей узнать не смог, но меня заверили, что этот ген у меня присутствует. Потому как выяснилось, я бы даже не смог зайти в кабинет Дюпри, будь я обычным.

За всеми этими разговорами, осмотрами и прочими делами прошло почти шесть часов. Я очень вымотался и хотел спать. Почему я на это согласился? Я не знаю. Насколько достоверно всё то, что этот старик мне рассказывал? Возможно, это очередной безумец, который уж точно совершит очередной прорыв в науке. Вопрос только в количестве загубленных жизней. Однако по контракту мне предоставлялось почти всё: жильё, питание, большая зарплата. Это была защита от работного дома — здесь хотя бы палками не избивают, как там. Не выделяли только место на парковке, но это ничего: ведь у меня не было машины. Как и прав. Подозреваю, что даже человеческих — сложное нынче время.

Закончив всю волокиту, профессор достал из стола старый дисковый телефон, спешно набрал номер и попросил какого-то агента Пи явиться за мной.

Понятное дело, в голове крутилось много всего — вплоть до того, что за мной придёт мясник и моё будущее — находиться в котлетках. И, возможно, мне всё это время лили во-

ду в уши про какой-то там особый ген.

Не успев додумать до конца собственные гастрономические перспективы, дверь открылась, и на пороге появился агент Пи. Точнее, появилась — это была девушка.

Почему-то просмотр фильмов оставил у меня отпечаток того, что это должна быть необычайно красивая, высокая девушка, очень стройная и обязательно в каком-нибудь необычном облегающем костюме. Напротив, реальность была грубее к деталям: на пороге оказалась девушка средних лет, невысокая, немного полноватая, в обычной одежде — белая блузка, юбка ниже колена; волосы цвета пшеницы заплетены в плотный колосок. Но двигалась она очень изящно, с кошачьей грацией.

И вот, пару минут спустя, мы уже снова двигались в длинной череде коридоров. Она не произнесла ни слова, и эта тишина, разрываемая цоканьем её каблучков, разносившимся по всему коридору, начинала давить.

— Агент Пи — это твоё кодовое сверхсекретное имя? — попытался завести разговор, но быстро осёкся.

— Новичок, пройди сначала отбор, потом поговорим, — отрезала она.

Мне показалось, что это прозвучало с какой-то надменностью, будто бы она смотрит на меня сверху вниз, а не наоборот. Просто я был выше неё на полторы головы.

Мы дошли до стены, которая являлась тупиком, — просто отдельным поворотом, будто бы вглубь стены. Я было хотел,

что-то спросить, но она очень шустренько назвала кодовое слово, которое я не расслышал, и в тупике появилась дверь. Это здание вызывает у меня больше вопросов, чем ответов. Да и пугать начинает всё больше.

Мне в какой-то момент даже казалось, что коридоры меняют своё положение, будто извиваясь. За дверью появился очередной коридор, только теперь он был освещён канделябрами и факелами, а стены не имели привычной облицовки. Они были из камня и, видно, очень старыми.

Она бодро вошла внутрь; мне ничего не оставалось, как молча пойти за ней.

Сколько же загадок в этом здании? Если присутствуют этажи, которых не существует снаружи, и проходы, которые явно не вписываются в архитектурный план. Увы, восторга это не вызывало. Но вот коридорчик остался позади, и меня встретила огромная комната с большой кучей людей. Также здесь располагались кровати, тумбочки и прочее, необходимое для жизни.

Агент прошла через толпу, видимо, таких же новичков и остановилась рядом с двумя мужчинами на вид лет сорока. Один из них носил такой же халат, как и Дирдорф, а второй был облачён в современный тактический костюм — такие носят военные. Они явно вели беседу с новобранцами. Пусть так — новобранцами, — и я, по всей видимости, пропустил большую часть информации.

— А, теперь все в сборе, — начал человек в халате.

Несмотря на достаточно дистрофичный вид, он имел достаточно мощный грудной бас.

— Для новоприбывшего повторю важную информацию. Я — доктор Браун, а это — полковник Найтдорф. Мы отвечаем за участников проекта «Мираж», а это — агент Пи, ваш куратор. Объясню вкратце: наша задача и задача наших преподавателей — подготовить вас ко всем тяготам нахождения в другом времени.

Напоминаю, что ваше нахождение здесь, как и само место, является засекреченным. Также в контракте прописан пункт о неразглашении того, кто вы и чем вы здесь занимаетесь. Из 30 присутствующих смогут отправиться на первое задание только пятеро, из них только один останется с нами.

— Разве не проще обучать всех нас? — послышался голос из толпы.

— Что за выкрики? Фамилия? — отозвался полковник. Он точно являлся противовесом Брауну: при габаритах средней гориллы имел голос октавой на четыре выше моего, откровенно уходя чуть ли не в фальцет, но речь поставлена правильно, убедительно, заставляющая прислушаться и уважать этого человека как командира. Они точно стоили друг друга.

— Эндрюс, — громко и уверенно послышалось где-то рядом со мной.

— Сынок, запомни: вначале обращаешься, потом задаёшь вопросы. — Найтдорф, несмотря на свой голос, внушал

страх, отнюдь не из-за габаритов.

— Так точно, полковник, — быстро осёкся Эндрюс.

— Вопрос задан правильный: почему именно так? Объясняю. Для отправки на первое задание вы уже должны будете показать себя отличными и способными учениками, — заговорил Браун. — Из-за чего часть вас будет отсеяна как непригодная и не приспособленная. После этого те немногие, кто останется из вас, должны будут продемонстрировать свои знания и умения — как личные, так и работы в команде. По окончании вы будете аттестованы. Вопросы?

— Что будет, если кто-то узнает об этом месте? — донёсся достаточно нежный девичий голосок.

— Если будет признана ваша вина, вы будете ликвидированы, — неумолимо произнёс полковник. — Ещё вопросы?

По толпе пронеслось волнение: видимо, контракт, как и я, никто так и не прочёл. Доктор Браун быстро призвал всех к порядку, и наступила полная тишина. Вопросов ни у кого больше не возникало.

— В таком случае, располагайтесь по местам, — дал команду полковник. — Скоро привезут ужин.

После этого доктор Браун и полковник Найтдорф направились к выходу. Наш куратор, агент Пи, осталась с нами. Все начали расходиться по своим спальным местам, разбирать вещи. Увы, мне разбирать было нечего. Меня это особо не волновало — единственное, о чём были мысли, это о еде и горячей ванне.

— Поглядите, кто у нас здесь, — позади раздался надменный голос Эндрюса.

Развернувшись, я обнаружил, что ко мне подошли трое, и они были... одинаковые. Я серьёзно: одного роста, телосложения, одинаковые причёски и одеты одинаково хорошо. Братья?

В общем, эти явно не очень хорошие люди начали издеваться надо мной, в основном по поводу того, что энное количество дней я провёл на улице. Весь мой внешний вид кричал о том, что душ для меня сейчас был жизненно необходим. И в целом я с этим согласен, но не в тот момент. По своей натуре я человек очень спокойный и рассудительный, но и закипеть могу, а там... В общем, я сделал шаг вперёд, чтобы поставить этого зарвавшегося выскочку на место, но агент Пи встала между нами. Отвесив Эндрюсу отменный подзатыльник, отправила всю троицу по своим местам; на меня же просто бросила оценивающий взгляд и отправилась к своему столу.

Странная она всё-таки. Если на неё надеть очки в широкой роговой оправе, она была бы похожа на библиотекаря в какой-нибудь захудалой библиотеке, которая будет очень жестоко наказывать хулиганов, портящих книги. Возможно, где-то в столе есть пистолет с глушителем...

— Эй, ты в порядке? — обратилась ко мне моя соседка по кровати.

— Да, в полном, — попытался откреститься от неё я.

— Ты его извини, он дурачок, как и его прихвостни. — С большим сочувствием на моё плечо легла рука. — Я Саша, а ты, должно быть...

Имя. Как же она меня назвала? В общем, пока я не вспомню, как же меня звали, называйте меня, как угодно.

Мы познакомились. Она чем-то напоминала мою подругу из детства: рыженькая, с округлым и симпатичным лицом, ярко-зелёными глазами и слегка выпирающими клычками. Мы сидели и общались. Из новой информации я узнал, что многие здесь — по родовому признаку: так, отец Саши тоже был путешественником, отсюда многих с рождения готовят к первому полёту.

Класс, об этой работе, как и о первом перемещении, можно не мечтать. Вряд ли звёзды сойдутся вместе, и я войду в пятёрку лучших. Хотя не всегда остаётся только один из тридцати: если прекрасно себя проявить, то тебя могут оставить.

За своими мыслями я не заметил, как принесли ужин и форму. Форма была у всех одинаковая — серый комбинезон. Ладно, тоже неплохо. Надеюсь, «двухминутки ненависти» здесь не проводят.

Пужинав, агент Пи повела нас всех в душевую. Благо, внутри для каждого стоял ящик, в котором было всё необходимое: от мыла и бритвы до халата и тапочек.

С каким же наслаждением я провёл эти двадцать минут под горячей водой... Вы бы только знали.

Глава 2

Глава 2

Что за непонятные звуки? Вы слышите? Пик... пик... пик... Странно. Так вот, на чём я остановился? Ах да, первая ночь в этих стенах, вспомнил. После душа я вернулся в общую комнату. Царил настоящий праздник, потому как отныне мы все являлись одной командой и непримиримыми врагами одновременно. Каждый хотел стать лучшим. Однако, сказать по правде, все вроде как потихоньку начали сдружиться. Но я продолжал держаться особняком. Меня это несколько не смущало: за последние годы я привык просто наблюдать со стороны, нежели быть участником. В моей голове всё же витали мысли о том, что, может, это место не столь радужное, каким пытается казаться? Но как тогда быть с теми, кто уже заранее знал, что попадёт сюда? С теми, кто уже знал о том, какая сложная и опасная миссия будет на них возложена? Всё так же для меня оставалось загадкой: попал ли я сюда по случайности, или моё нахождение здесь было пред-
решено уже очень давно? Кто знает. Поживём — увидим, как говорится. В первую ночь не произошло ничего интересного, в отличие от других, но об этом позднее. Я долго не мог уснуть, в голове витали мысли о моих родных людях, которых больше нет. Знали ли они об этом месте и программе «Мираж»? Возможно, кто-то из них был участником? Жаль,

что спросить не у кого.

Утром доктор Браун уже стоял в нашей комнате. Перед ним на столе лежала целая стопка разноцветных папок. «Наверное, это наши личные дела», — почему-то подумал я. Все уже были собраны, и кровати каждого были заправлены; один я пытался вылезти из-под одеяла и не опозориться перед всеми. Минута спустя я стоял одетый вместе со всеми перед столом. Браун поприветствовал всех нас и передал каждому папку одного из четырёх цветов: красного, зелёного, белого и оранжевого. Мне досталась папка белого цвета. Внутри находились бумаги с подробным планом обучения. Для меня делали уклон на историю, ремесло, актёрское и ораторское искусства.

Как выяснилось впоследствии, цвет папок влияет на положение в обществе во время путешествий. Обладателям красных папок проще: они будут подготовлены к тому, чтобы при случае изобразить из себя какого-нибудь заезжего разорившегося герцога или, на крайний случай, мастера фехтования — они тоже были в почёте долгое время. Обладателям белых папок повезло меньше. По происхождению они, так сказать, на самом дне пищевой цепи, но готовили их лучше. Так что я даже не знал, радоваться мне этому или нет. Сама система папок появилась сравнительно недавно, около ста лет тому назад. Связано это с улучшением технологии порталов и, соответственно, точности определения. Поэтому кандидатов перестали готовить ко всему и ко всем возможным услови-

ям. Отсюда и разные цели и назначения путешественников.

За обедом Саша меня подбодрила, сказав, что большинство получивших официальный статус путешественника были белопапочниками. Я хотел с ней согласиться, но ей досталась красная папка. Как и Эндрюсу, и его прихвостням. Справедливости ради, мне стало нравиться заниматься, и я быстро стал лучшим из нашей группы. Как я выяснил, наша группа не одна — всего их двенадцать, и в каждой по тридцать человек. Какая-то сложная система отбора, жуть просто. Мне бы хотелось побольше рассказать о наших занятиях, но вы устанете это читать, поэтому поверьте мне на слово: было правда интересно. Но вот первый месяц остался позади. Я более-менее наладил контакт со своими... будем называть их однокурсниками, и мне стало здесь очень комфортно, в отличие от первых дней. В глубине души даже стал растриваться от того, что скоро будут экзамены и я просто не пройду естественный отбор. Тогда мне снова придётся вернуться на улицы города, где я снова буду бесцельно скитаться в поисках куска не очень заплесневелого хлеба. Бррр... аж мурашки пробежали от такого. И вроде бы всё было хорошо — до одной ночи.

Проснулся я от того, что кто-то тычет меня в бок. Это была Саша. Жестом пальца к губам она попросила тишины и поманила меня за собой. Не буду кривить душой: она мне нравилась, отсюда и интерес, куда она меня зовёт. По своей натуре она была та ещё авантюристка, но при этом ме-

стами оказывалась дико неуклюжей. Это добавляло своего шарма. И вот минуту спустя мы уже тихо двигались по коридорам, пробегали через классы, читальный зал библиотеки и тренировочную комнату, в которой обучали фехтованию и владению оружием. Всё ради того, чтобы добраться до комнаты, в которой расположены порталы. Именно отсюда путешественники отправляются навстречу приключениям — ради спасения невинной жизни, брошенной в неизвестном направлении. Мы стояли около двух минут, лицедея это меркнувшее по сравнению с остальными комнатами помещение. Казалось, оно больше самолётного ангара раз в пять. На удивление, здесь вообще не было источников света, кроме модели небосвода. Прямо как в той книжке, которую мне читали в детстве. Вроде бы она про мальчика, который пытался выжить, и около того.

— Правда, тут красиво? — нарушил тишину голос за пределами моих мыслей.

— Безумно, — я не скрывал своего восторга.

Интересно, а как эта модель устроена? Как таковую физику в привычном понимании нам не преподавали. Лично у меня был предмет «ремесло», в который, в свою очередь, входил курс инженерии. На нём нам объясняли принцип работы очень многих вещей — от древнеримской баллисты до современного электрического чайника, — а также как из подручных и подножных вещей создать аналог. Т.е., по-хорошему, та же физика, только более целенаправленная. У ме-

ня всегда возникал вопрос о нахождении электричества где-нибудь в средневековье или первобытном мире. Но предмет мне очень нравился. Надеюсь, когда-нибудь нам расскажут и об этом. Вообще, из курса истории я узнал, что ремесленники долгое время пользовались славой и почётом. Кузнецы, кожевенники, гончары, зодчие, архитекторы и т.д. То есть сейчас моя белая папка вызывала большую гордость, нежели раньше.

— Я хочу подойти ближе, — звонко отозвалась Саша и лёгкой поступью двинулась к центру комнаты, к основному portalу.

Я прекрасно понимал, что, если нас здесь засекут — влетит нам по первое число, и по второе тоже. Первогодкам запрещено здесь находиться, тем более одним.

— Постой, — попытался я её остановить, но это всё равно что на верёвочке удержать слона, который увидел мышку.

Эх, пришлось идти следом. Я понимал, что до добра это не доведёт, но и оставить её одну я тоже не мог. И вот он, перед нами. Какой же он огромный — уверен, Кинг-Конг смог бы пройти через него, вообще не нагибаясь. Наверное, для этого были свои причины.

— Какая махина, поразительно, — начал было я, осматривая конструкцию снизу вверх. — Интересно, как он работает?

Саша заливисто рассмеялась:

— Разве ты не знаешь? Вам такое не преподают?

— Нет, — буркнул я, слегка даже обиделся, вспоминая, что у меня папка рангом ниже, чем у неё.

— Хорошо, представь искривление материи, — она подошла ко мне и взяла меня за руки; я чувствовал, как моё сердцебиение ускорилося. — А теперь сложи ладони вместе, вот так. Теперь, если проколоть эту конструкцию в любом месте, между ними образуется проход, или кротовая нора. По-научному — мост Эйнштейна — Розена.

— Мне кажется, или ты очень много смотришь фильмов? — подметил я, не понимая, насколько я прав.

Все эти дискуссии были очень интересными — ровно до одного момента, пока мы оба не поняли, что за нами наблюдает доктор Браун.

В этот момент что-то внутри меня оборвалось, и я был готов идти собирать свои вещи, которых не было, — но не суть.

— «Она пробежала за кроликом через весь сад и в его конце, под забором, увидела огромную нору. Алиса влетела в неё вслед за кроликом, совершенно не задумываясь, как будет выбираться обратно, о чём вскоре пожалела». Кто это написал? — задумчиво произнёс доктор, спускаясь по лестнице и направляясь в нашу сторону.

— Льюис Кэрролл, сэр, — потупив взгляд в пол, отозвалась Саша.

— Молодец, у тебя хорошие учителя, — с одобрением

отозвался Браун. — Ну и что мы здесь делаем?

В общем, нас просто отчитали за нашу необдуманную выходку. Саше досталось больше, чем мне, как будто он знал, что это её идея. Браун обещал забыть о том, что он нас видел здесь. Также, видя наши горящие от любопытства глаза, он явно сжалился и решил поведать чуть подробнее о работе порталов. И вот конфуз: портал неожиданно для нас включился. Как это произошло, не знал никто из нас. Всё бы ничего, только вместо обычного оранжевого яркого свечения порталная конструкция, представлявшая собой огромный арочный проём, начала пульсировать ярко-красным светом. И с каждым новым пульсом свечение становилось всё ярче.

— Бегите! — заорал во весь свой голос Браун. На секунду я даже оглох, но Саша уже схватила меня за руку, и мы побежали прочь.

Я же уже говорил, что она местами очень неуклюжа? Этот случай не стал исключением: она запнулась за массивную связку проводов, идущих к одному из второстепенных порталов, и мы кубарем покатались по полу. В момент падения я подумал, что ослеп: портал взорвался за нашими спинами. Пара секунд звона в ушах — и наступила тишина. Я попробовал подняться на ноги — получилось, но не с первой попытки. Открыв глаза и оглядевшись, я понял две вещи: я стою на Сашиних волосах, за что немедленно получил по лодыжке, а во-вторых, доктора Брауна с нами в комнате не было. Он исчез.

Что бы вы сделали на моём месте? Поставьте себя на моё место. А теперь ощутите всеми клеточками своего тела, в какой переплёт вы попали просто потому, что у человека, который вам небезразличен, проснулся дух ночных приключений? Вот и мы не успели ничего сделать, но вся комната уже разрывалась от звука сирены. Соответственно, на звук уже сбежалась охрана, коей было немало во всём университете. Интересно, где они были до этого? На секунду мне показалось, что они выходили прямо из стен. Или не показалось? В общем, нас попросту задержали. Я уже было ожидал допроса с пристрастием, игры в хорошего и плохого полицейского, но вместо этого нас отвели «на ковёр» к Дирдорфу. Только сейчас я узнал, что он не абы кто, а основатель программы и главный над главными. Сколько же ему лет? Триста? Пятьсот? Интересно, кто же тогда находится в совете директоров? Рептилоиды? Простите, увлёкся.

Ждать долго не пришлось: несмотря на глубокую ночь, профессор уже был в кабинете, когда нас туда привели. Это был точно другой кабинет, отличный от той комнатки, в которую он водил меня в первый мой день здесь. Комната была богато украшена картинами и выполнена преимущественно в коричнево-золотых тонах. Только привычного белого халата на нём не было — была достаточно элегантная пижама. Видимо, статусность для него была важна: явись он в таком виде на занятия или просто идя по коридорам, вряд ли кто-то захотел бы посмеяться над ним.

Но вот впечатление спало, и пришло негодование от ситуации. Естественно, первый же вопрос от него был таким:

— Какого лешего вы забыли рядом с порталом?

Я хотел было начать объясняться, как в тот же момент Саша схватила мою руку — почему всё время за руку? — и, перебив меня, обратилась к Дирдорфу:

— Профессор, портал... портал включился сам! Он... он взорвался! Доктор Браун... он был там. Он исчез! — срываясь было на крик, начала Саша. — Доктор Браун был там, с нами, он исчез, профессор!

По её телу, передаваясь мне в руку, пробежала дрожь, а по щекам потекли слёзы. Профессор, доселе стоявший перед своим резным столом, упал мешком в кресло, схватился за трубку дискового телефона, спешно набрал номер и на одном дыхании выпалил на другой конец... У телефонов не было кабеля — только сейчас я обратил на это внимание. Как они работают? Не важно, всё потом. Ах да, он быстро выпалил, чтобы собиралась комиссия по ЧС в портальной зале через пять минут.

Положив трубку на стационарное место, профессор достал из стола серебряную, очень красиво оформленную флягу, отхлебнул из неё и откинулся на спинку кресла. Лицо у него было точно такое же, как у человека, съевшего пару пачек дрожжей и решившего посидеть у батареи.

— Профессор, — было обратился к нему я, но, вместо то-

го чтобы обратить на меня внимание, Дирдорф лёгким жестом руки указал нам убираться из кабинета.

Видимо, наша участь будет решена позже. До утреннего подъёма оставалось около получаса. Вернувшись в нашу спальню, мы сидели и тихо переговаривались на тему происшедшего. И, естественно, по всем законам жанра, почти все уже не спали. Поэтому о случившемся узнали почти все.

Когда же наступило время подъёма, в спальню вместо агента Пи вошли Дирдорф, Найтдорф и ещё пара человек. Это были профессор Клаус — он являлся заместителем профессора Дирдорфа, а также мастером и учителем из класса фехтования. Он был необычайно высок — под два метра ростом, кареглаз, широкоплеч; лёгкая небритость была ему очень даже к лицу. А второй прибывшей была министр по чрезвычайным ситуациям, вызванных коллапсами времени, — мисс Гамильтон. Женщина возрастом около тридцати лет, стройная, с достаточно нежными и приятными чертами лица и довольно пышной причёской.

Все четверо явно были не в духе, и вся спальня уже прекрасно знала почему.

Нам объявили, что на сегодняшний день все занятия отменяются, и попросили не выходить из спальни до отмены ограничения. Мне стало очень даже любопытно, чем вызвано такое решение? Видимо, всё очень плохо, и доктор Браун застрял сейчас где-нибудь во временах мезозоя. Быть может, он уже обустроил себе уютную пещеру и завёл себе парочку

друзей из племени «уга-буга».

Нас же с Сашей, как главных свидетелей, позвали с собой, и вот все шестеро тронулись в сторону портальной комнаты.

Пока мы туда шли, я думал, что придётся в деталях рассказывать о случившемся, вплоть до того, где какая пылин-ка лежала. Эффект бабочки — не забываем. На деле же, как только мы вошли в комнату — нет, не так, в огромную комнату, — Саша ахнула от удивления и восторга: портал снова работал. За меньше чем пару часов его успели восстановить. Оставался только один вопрос...

— Наверное, думаете, зачем вы здесь? — остановившись и повернувшись к нам лицом, произнёс Дирдорф.

— Профессор... Но как? — открыла рот Саша. — Как такое возможно?

— У нас свои штучки и секретики, — профессор, улыбаясь, развернулся, жестом показал нам идти за ним и продолжил: — В том, что произошло с нашим порталом и доктором Брауном, вашей вины нет и быть не может. Случилось нечто очень страшное, и вы по «счастливой» случайности стали этому свидетелями.

— Но, профессор, это никак не объясняет того, зачем мы здесь, — резонно подметил я.

— Ты прав, мой мальчик. Но обо всём этом поговорим позже. Кажется, вы с мисс Уайт хотели увидеть принцип работы портала? — поинтересовался Дирдорф. — Тогда смотрите внимательно.

А посмотреть было на что. Как оказалось впоследствии, это был самый настоящий саботаж. Хотя мир и не делится на белое и чёрное, всегда есть свет и тьма, добро и зло и т. д. В общем, как есть организация, которая помогает другим людям, потерявшимся в хроносе, так есть и те, кто хочет этот самый хронос контролировать. Именно за ними и стоит взрыв портала.

Поэтому сейчас мы вместе с Сашей наблюдали картину: отряд из лучших путешественников — самых лучших и самых опытных — отправляется за доктором Брауном. Вроде как его засекли в древнем Китае времён Цинь Шихуанди. По-хорошему, я завидовал этим ребятам: они смогут увидеть древний Китай, увидят своими глазами постройку Великой Китайской стены или, быть может, даже смогут увидеть знаменитую терракотовую армию...

— Смотрите внимательно: через пару секунд они вернутся, и всё будет в порядке, — Дирдорф поднял правую руку по направлению к portalу, будто концентрируя наше внимание на нём.

В итоге весь отряд из шести путешественников, под аплодисменты присутствующих — такова традиция, — наконец зашёл в портал и исчез. Даже небольшой вспышки света не произошло. Для нашего мира это занимает несколько секунд. Для них же в другом времени могут пройти годы. Бывает и такое, что миссия затягивается. Я пока точно не знал всех алгоритмов и нюансов работы, но вопрос возникал

вполне уместный: а разве не нужно как можно скорее вытаскивать человека из другого времени? Ведь согласитесь, если кого-то из вас случайно забросит, скажем, в древний Египет времён Нефертити, что вы будете там делать? Разве вам хватит знаний, чтобы слиться с местными и, как бы то ни было, ассимилироваться? Без интернета, смартфонов, фастфуда и прочего... Подумайте над этим...

Соответственно, я не прекращал аплодировать: герои вот-вот должны были вернуться назад. Но не в этот раз. То, что предстало перед нашим взглядом, просто рвало все шаблоны и устои. Рука Дирдорфа, который до последнего улыбался, вдруг медленно опустилась, как и его лицо. Как и лица всех тех, кто присутствовал. Вместо шести лучших путешественников назад вернулись шесть тел в довольно ужасном состоянии.

Когда Дирдорф позвал нас с Сашей продемонстрировать работу портала, вряд ли он был готов к такому повороту событий. Его легко было понять: по своей натуре он очень добродушный человек — это мне и нравилось в нём. Но порой временами он как будто впадал в детство. В такие моменты у него появлялось неплохое чувство юмора и слегка чудаковатое поведение, хотя по своему обыкновению он максимально серьёзен и сдержан, да и речи всегда мудры. А в ту минуту он просто поник. Его лицо было абсолютно расслабленным, но возрастные морщинки складывались в причудливые узоры, показывая весь ужас ситуации и всю ту гамму эмоций,

которую испытывал профессор.

— Отключить портал! — очень громко, где-то рядом со мной, скомандовал полковник.

Люди, ответственные за работу портала, быстро засуетились, и через 10–15 секунд портал перестал светиться.

— Скорее, нужна помощь! — закричала мисс Гамильтон: она заметила движение в куче того, что недавно ещё было людьми.

И вот весь народ, ставший свидетелем этого поистине ужасного события, бросился туда, к огромному пандусу, который вёл непосредственно к portalу. Почему-то я был уверен, что это доктор Браун, что он остался жив и с ним всё будет в порядке.

Нет, увы, я ошибся. Действительно, один из асов остался жив, но был уже на краю, готовясь к вечным объятиям Танатоса.

Полковник, профессор и ещё полдесятка работяг начали живо растаскивать тела в разные стороны, пока не нашли его. Это был ас Эдмонд Морени — я видел его фото на стенде почёта. При своём небольшом росте в 168 см он являлся самым результативным путешественником. На его счету 900 спасённых жизней из 904 перемещений. Блестящий результат!

— Полковник... — прохрипел ас. — Мы попали... Там...

— Сынок, не отключайся, сейчас тебе помогут, — полковник суетился как только мог, пытаясь аккуратно переложить

тело на предоставленные носилки. Откуда они взялись? Не важно. Переложив тело и подняв носилки на колёса, пострадавшего уже хотели везти в лазарет, но тут Эдмонд перевёл свой взгляд на меня и прошептал:

— Ты? За что ты нас так? — и отключился.

Что. Это. Было? Я просто впал в ступор от такого. Может, он с кем-то меня перепутал? В его-то состоянии — явного болевого и... да у него анафилактический шок! Как это возможно?

— Ты здесь? Очнись! — министр хлестала меня по щекам, будто пыталась убить муху, ну или сбить неуместную улыбку, к примеру. Ладно, я вернулся в собственное сознание. Трезво оценить обстановку получилось, но не сразу. Пока руководство спорило, насколько этично нахождение здесь двух первогодок, я подбежал к носилкам и быстренько осмотрел тело. Множественные колотые и рубленые раны, ожоги второй и третьей степени, бледность и вздувшаяся яремная вена. Состояние было явно не из лучших. Но для чего я ещё тогда изучал медицину? Забыл упомянуть: в моём мирном и светлом детстве моя мама работала врачом-реаниматологом в карете неотложной помощи. Она любила свою работу и хотела меня пристрастить к тому же. Неужели полученные знания пригодились?

— Полковник, профессор! — заорал я настолько, насколько мог в тот момент. — Мне нужна ваша помощь!

Пока они успокоились и подбежали ко мне, я уже провёл

тройной приём Сафара. И, определив, что дыхательные пути чистые, но сердцебиение и дыхание отсутствуют, уже начал проводить реанимационные действия.

Каталку уже спешно везли по коридорам в лазарет, на которой я восседал, как на скакуне арабской породы, но увы. Всё, что от меня требовалось, я сделал, и даже миллиграмм адреналина не сыграл бы своей роли. Пациент был мертв. Наверное, моя мама очень бы расстроилась, узнав, что я не справился. Поэтому даже всесильная миссис Клаус, верная жена нашего мастера фехтования, не смогла ничего сделать. Она лишь констатировала смерть. Очень ужасная ситуация. Не знаю, чем именно было вызвано моё решение вмешаться во всё это — наверное, хотелось показаться нужным звеном в этой истории. Как бы я был рад, если бы смог спасти жизнь Морени! Я сидел на нём верхом и уже откровенно колотил по его груди кулаками. Я просто отказывался верить, что ничего сделать нельзя. В итоге Дирдорф и полковник оттащили меня от тела и вывел из лазарета. Я не сразу обратил внимание, что лазарет был на первом этаже, а дверь, в которую мы вошли меньше, чем через минуту, — на четырнадцатом. Это была летняя площадка, располагавшаяся на крыше. Свежий воздух не только успокоил меня, но и порядком опьянил. Профессор сел в одно из кресел, я последовал его примеру. Полковник решил остаться внизу.

Мы просто разговорились, буквально ни о чём. Достаточно быстро я пришёл в себя и уже почти не реагировал на

обстоятельства последнего получаса. Чего нельзя было сказать о профессоре. Хотя он и не подавал вида, его взгляд был абсолютно пустым. Мне удалось его разговорить, и наконец мне поведали о том, почему всё получилось так, как получилось.

В общем, история ордена начинается ещё в 1616 году. Да, это именно орден. Его основателем являлся Димитрий Славный. Он был первым, кто смог разгадать загадку пространства-времени. А первым спасённым человеком была его собственная дочь, угодившая во временной провал. В этом же провале были также обнаружены несколько людей, живших в одном городе с Димитрием, но загвоздка в том, что уже больше десятка лет они считались умершими. Ну знаете — пошёл в лес да наткнулся на медведя. Дело-то житейское. Ох уж этот XVII век, одним словом. Димитрия за то и прозвали Славным, что новые знания он стал применять на благо остального человечества, став первым защитником Хроноса как одного из основоположников всего сущего. Поэтому, соответственно, со временем появились и те, кто захотел подчинить Хронос себе. Зачем? Мне вот это непонятно. Что ты будешь с ним делать? Сколько бы я ни рассуждал на эту тему, до конца мне не была понятна сама идея. Надеюсь, Хронос — это не живое существо, сидящее где-то в глубинах вечного тартара. Однако образовался целый культ фанатиков, жаждущих получения полного контроля над основами мироздания. Эх, когда-то злодеи ставили перед собой более

реальные и приземлённые цели — ограбление банка, к примеру. Да уж, на тот момент я почти ничего не знал об этом дивном новом мире. И лучше бы так оно и оставалось.

— Профессор, что теперь будет с программой и университетом? — вернул разговор на прежние рельсы я.

— Университет стоит больше десяти веков, программа — уже четыре века. За это время на неё кто только не покушался, как и на наших предков. Произошедшее сегодня даёт понять, что нам объявлена война. Поэтому все ученики будут отправлены по домам. Мы не хотим лишних жертв.

В это время как раз на летней площадке появился полковник и мастер Клаус.

— Видимо, тебе пора возвращаться в свою комнату, — похлопал меня по плечу Дирдорф.

Остальные при этом положительно кивнули.

Встав и отвесив уважительный поклон присутствующим, я отправился прочь. Мне хотелось отправиться в библиотеку и попытаться разузнать подробнее об этом культе. Ведь должны же там быть хоть какие-нибудь заметки? Войдя в дверь, меня кто-то сходу схватил и затащил в угол. Это была Саша. Жестом она снова попросила тишины, как будто бы у меня был выбор — ведь мой рот она зажала своей ладонью. Достаточно ловко она поставила ногу в проём, что дверь не закрылась до конца, и её поменяла своё назначение, поэтому мы всё ещё могли слышать, о чём говорят преподаватели.

— Полковник, докладывайте, — скомандовал Дирдорф.

— Сбылись наши опасения, — отрапортовал Найтдорф.
— Координаты доктора были ложными, мы сами отправили асов в ловушку. Что-то пошло не так; видимо, кто-то смог разорвать их клятву — теперь они мертвы.

Миссис Клаус подготовила полный отчёт о павших, и они точно были не в Китае. Раны не совпадали с холодным оружием третьего века до н. э. Возрастные изменения показали, что там они пробыли меньше пяти минут. Однако их клетки были подвержены мутации. Группа исследователей сейчас проводила подробный анализ вещества, которое удалось добыть у них. Также вторая группа высчитывала, откуда именно был подан сигнал...

— Ваше мнение, Аарон? — задумчиво произнёс профессор.

— Я считаю, что культисты набрались смелости, раз могут так безнаказанно убить бессмертных, — прогладив пальцами усы, ответил мастер Клаус. — Думаю, в скором времени можем ждать гостей. — Почесав в затылке, он добавил: — Но как быть с мальчиком?

— Я считаю, ему ещё рано знать о своей роли, — подал голос полковник. — Тем более он ещё первогодка.

— Пусть он и юнец, но я бы взял его в свой отряд ландскнехтов, — заулыбался мастер. — Тем более для первогодки он продемонстрировал крепость духа и храбрость. А также неплохие знания оказания первой помощи. Вопрос в том, хватило ли ему знаний?

— Опять ты за своё! — заломил руки к небу полковник.
— Давай, расскажи нам в сотый раз, как ты юнцом отходил десяток лет в ландскнехтах на двойном жаловании.

— А тебе напомнить, что по результатам Тридцатилетней войны меня наградили за заслуги перед короной? — с нескрываемой гордостью произнёс Клаус. — А что ты всё это время делал? Ага... помню, сидел на коленках у царя Романова?

— Призываю к порядку! — повысил голос Дирдорф. — Я согласен с Аароном. Парня нужно подготовить в кратчайшие сроки и отправить на какое-нибудь простенькое задание для начала. А там будем смотреть. Полковник, проверьте все меры предосторожности и подготовьте отчёт по поводу того, каким образом односторонний портал смог вернуть тела назад и почему при них не было маячков.

— Слушаюсь, — в очередной раз отрапортовал полковник и направился к двери.

Саша вновь продемонстрировала ловкость: быстро убрала ногу, из-за чего дверь закрылась тихо.

Да, как они точно работают, я не знаю до сих пор. Можно было сотню раз открыть и закрыть одну и ту же дверь — и сотню раз она приведёт тебя в разные комнаты. Видимо, они реагировали на наши мысли. Может, нужно было давать мысленно чёткую команду, куда именно ты хочешь попасть. Всё-таки удивительное место. Идя по коридору, Саша не сводила с меня своих зелёных глаз — её удивлению не

было предела.

— Ты даже не представляешь, какая огромная честь тебе выпала! — захлёбываясь от эмоций, щебетала моя спутница. — Ты станешь самым крутым первогодкой из всех! Как я за тебя рада!

Мне казалось, ещё немного — и её разорвёт от счастья.

— Вдруг речь шла не обо мне? Напомни мне, сколько первогодок сейчас здесь?

— Около двухсот, — на секунду смутилась Саша. — Но ты же помнишь, что из всего набора только один станет путешественником?

И тут она окончательно сконфузилась, поняв, что в таком случае полноценного отбора не будет и она точно не станет лучшей.

Я хотел было её успокоить, но тут перед нами возник профессор Морени. Именно его сына я и пытался спасти ночью. По рассказам однокурсников, у которых Морени вёл «Правила поведения знатного человека и светскую жизнь» — ну, знаете, как нужно вести себя со всякой необразованной челядью, попивая сок в своём замке, — человеком он был очень скверного характера: склочный, постоянно всеми недовольный. А его надменности могла позавидовать вся шайка Эндрюса. Морени (вроде бы Пьер) почти всегда держал подбородок высоко, будто любил смотреть на всех сверху вниз. С его-то ростом это было неудивительно. Мне кажется, они могли бы потягаться с Клаусом в росте.

— Ты! — произнёс он как-то остервенело. — Ты убил моего сына! — С каждым новым словом он приближался ко мне всё ближе, а я, наоборот, пятился назад, не зная, что и ответить, пока не уткнулся спиной во что-то.

— Не горячись, Морени, — с лёгкой усмешкой произнёс мастер Клаус. — Как он оказался за моей спиной? Я своими глазами всё видел: этот парень — герой, он пытался спасти твоего сына.

— Плохо пытался, — процедил сквозь зубы в лицо Клаусу Морени-старший. Окинув нас едким взглядом, хмыкнул и, сделав полукруговое движение подолом мантии, пошёл в противоположном от нас направлении.

Мы проводили его взглядом, пока тот не скрылся за поворотом.

— Мисс Уайт, не оставите нас? — с лёгким поклоном, как и подобает рыцарю, мастер обратился к моей подруге.

Та, в свою очередь, поклонилась в ответ и сообщила мне, что будет ждать меня в библиотеке, после чего тоже ушла. Я как-то облегчённо выдохнул, когда Морени ушёл, но теперь я остался один на один с мастером Клаусом, и радости это тоже не сильно добавляло. Хотя вообще-то он мне импонировал больше всех из преподавателей — разумеется, кроме его шрама через левый глаз до середины щеки: видимо, получил в бою. Он всегда был в прекрасном настроении, поэтому легко располагал к себе.

— Пойдём со мной, сынок, — весело хлопнул меня по

плечу мастер и двинулся по коридору в сторону тренировочной комнаты.

Зайдя наконец в комнату, мастер снял свои перчатки, с которыми он, похоже, никогда не расставался, и начал разминать кисти. Как выяснилось, двух фаланг безымянного пальца на левой руке у него не было.

— Малыш, я же знаю, что ты и мисс Уайт подслушали весь наш разговор наверху, — продолжая разминаться, сообщил мне мастер.

— Да, мастер. Простите меня за мою дерзость, — произнёс я, поклонившись.

— Эх, сынок, — положил мне руку на плечо и продолжил, — любопытство — не порок, и осуждать за это я тебя не буду. Важно, что теперь ты знаешь то, что тебе знать не следовало бы. Впрочем, тебе уготована великая судьба. Неудивительно, что такой конфуз случился именно сейчас. Мастер отошёл к стене, взял пару двуручных мечей, один из них кинул в меня и дал команду обороняться.

Следующие шесть часов я только и слышал:

— Стойка номер раз, блок!

— Стойка два, блок!

— Парируй!

— Уворот!

— Стойка номер три, уворот!

Руки ужасно болели. Отразить атаку мастера Клауса было тем ещё испытанием. Но меня это нисколько не пугало — наоборот, мне даже нравилось. Пот заливал глаза, мышцы ныли, а в голове звенело от напряжения, но каждый раз, когда клинок мастера со звоном встречал мой меч, внутри поднималась странная гордость: я держусь. Я не падаю.

Клаус ни разу не сбавил темп и ни разу не подсказал лишнего — только короткие команды, резкие, как удары. Иногда он хмыкал, если я удачно уходил от выпада, и тут же следовал новый удар, ещё быстрее, ещё тяжелее.

Когда солнце, пробившись сквозь узкие окна зала, легло на пол косыми полосами, мастер наконец опустил меч.

— Довольно, — выдохнул он, утирая предплечьем пот со лба. — Для первогодка ты держишься... достойно. Даже больше.

Я едва смог опустить оружие — руки дрожали, и пальцы будто одеревенели.

— Спасибо, мастер, — прохрипел я, стараясь не показать, как тяжело мне даётся каждый вдох.

— Не благодари. Сегодня ты просто не дал себе упасть. Завтра этого будет мало. — Он подошёл ближе, глядя мне прямо в глаза. — Ты видел смерть, пытался бороться с ней, а потом взял в руки меч, будто это единственное, что может удержать мир от распада. В тебе есть стержень. И это куда

важнее силы.

Он помолчал, будто взвешивая слова, и добавил тише:

— Но помни: сила, которая нужна нам, не в мускулах и не в клинке. Она в том, чтобы знать, когда остановиться. Когда не рубить с плеча. Когда слушать. Ты подслушал наш разговор. Это плохо. Но ты не сбежал. Это хорошо.

Я кивнул, не решаясь заговорить: голос бы меня подвёл.

— Иди в душевую, а потом найди Сашу в библиотеке. Пусть она покажет тебе старые хроники про культ — те, что не помечены грифом «секретно». Пусть думает, что делает тебе одолжение. — Мастер усмехнулся уголком рта. — А я пока поговорю с Дирдорфом. Пора тебе узнать чуть больше, чем положено первогодке. Но не всё сразу. Мир не выдержит столько правды разом.

С этими словами он хлопнул меня по плечу — чуть мягче, чем в начале дня, — и вышел из зала, оставив меня одного среди эха ударов, звона металла и тяжёлого, густого воздуха, пропитанного пылью и железом. Месяцы сменяли друг друга со скоростью светового дня, а моё ускоренное обучение начало подходить к концу. В то время как все первогодки были заняты подготовкой к предстоящим экзаменам, я уже был готов сдать экзамен второго года. Вместо обычных семи часов обучения в день я занимался по 11–12 часов каждый день. Подружился со многими преподавателями, которые вкладывали в меня все свои знания. Сейчас мне кажется, что я бы смог сдвинуть того же кардинала Ришелье с его

насиженного места. В свободное время мне нравилось посещать уроки мастера Пенроуза: он преподавал настольные (и не только) игры и забавы. В каждом времени они были свои, и будущих кандидатов готовили даже к этому. А также уроки мадам Салазар — а именно верховую езду и охоту: с собаками, соколами и так далее. Да, хоть это и не входило в план моего обучения, но мне никто не отказывал, даже в индивидуальных занятиях.

На удивление, меня не смущало большое внимание со стороны преподавателей. Ведь, в конце концов, это их работа. Однажды во время урока мисс Дарлей — отличного, по моему скромному мнению, математика и астронома — ненароком, вскользь, она упомянула о моём великом предке, стоявшем у истоков ордена. Но также она быстро осеклась и, как ни в чём не бывало, продолжила занятия. На все мои расспросы и протесты никакой новой информации я не получил.

Признаюсь, я уже стал забывать, каково это — жить в обычном мире, думать и чувствовать простыми материями. Также на пару с Сашей и ещё несколькими одноклассниками я много времени проводил в библиотеке, где, как нам казалось, был доступ ко всей известной человеку информации. Как любила шутить мадам Кроу, заведующая библиотекой, если поискать, то здесь даже можно найти недостающие свитки Мёртвого моря. Или, и того лучше, свитки из Александрийской библиотеки.

Мы долго и методично искали информацию о моём предке, но так ничего и не смогли отыскать. Саша уже было намеревалась проникнуть в закрытую секцию, где, по заверению мадам Кроу, хранилась очень тайная информация, к которой был доступ только у преподавателей. Я быстро остудил её пыл: не хватало ещё нарваться на проблемы.

Очень сильно мы сдружились с мастером Клаусом. По сути, лично для меня он стал как отец, и это было здорово. И однажды, когда во время спарринга мне удалось выстоять все его наскоки, сбить его с ног и приставить меч к его шее, он рассмеялся, встал на ноги и пожал мне руку, тем самым дав понять, что я готов постоять за себя в бою. Это был один из самых лучших моментов в моей жизни, и вряд ли я когда-либо его забуду.

Остальные мастера и учителя тоже были мною довольны — все, кроме Морени. Ну кто б сомневался! В его глазах я всё делал неправильно и неверно.

Как подметил мастер Клаус:

— Земля вращается, потому что мы продолжаем совершать ошибки своих отцов.

К чему он именно это говорил, я так и не разобрался. Но звучало убедительно.

И вот день моего экзамена наконец настал. Увы, никуда меня не отправляли: мне просто дали роль, и мне нужно было очень быстро вжиться в образ условного крестьянина XV века из провинции Шампань, что во Франции. Мне удалось

это достаточно убедительно. Экзамены были сданы успешно, и меня допустили до первого в моей жизни перемещения.

За время учёбы я стал относиться ко всему происходящему как к чему-то обыденному, даже должному, поэтому не испытывал таких ощущений, как та же Саша. Она полночи не давала мне спать — радовалась. Так же и я был за неё очень рад, когда она сдала свои экзамены и прошла дальше. Как же я любил смотреть в её ясные, бездонные глаза... Забегу немного вперёд: Эндрюс со своими прихвостнями тоже сдали экзамены — успешно. Жаль. Но не будем отвлекаться.

Когда наступили каникулы, многие разъехались по домам, к своим семьям. В нашей комнате осталось только трое: я и сёстры Паттерс — они тоже были сиротами. Долгими ночами мы болтали о прошлом, настоящем и будущем. Надин и Изабель понимали, что не смогут стать лучшими, поэтому уже делали попытки втереться в доверие к преподавателям любимых предметов, дабы впоследствии их заменить. Хороший план, если я правильно понимаю.

В одну из таких ночей дверь в нашу комнату открылась, и на пороге появился Энди Рив, младший научный сотрудник и координатор путешественников. Подойдя к моей кровати и убедившись, что я не сплю, он сообщил мне, чтобы через полчаса я был готов и находился в портальной комнате. Сёстры Паттерс завизжали от радости — мне показалось, что все соседние комнаты проснулись от этого. Почему они радовались больше, чем я? Я всё пытался понять этот фено-

мен: неужели мне и правда нет никакого дела до происходящего? Остальные натужно учатся, готовятся, трясутся от мысли о вылете, а мне хоть бы что. Поразительно. Полчаса спустя я уже был готов и входил в зал. Там меня уже ожидали все преподаватели, которые на протяжении года готовили меня к этому. Была собрана вся команда, отвечающая за прыжок во времени. И даже профессор Дирдорф пришёл увидеть мой успех. Неужели моё возвращение будет настолько эпичным?

В зале также находилась и агент Пи — в полном обмундировании. Она отправится вместе со мной? Было бы неплохо. Не знаю точно почему, но своей уверенной походкой я сразу же направился к пандусу. Из-за чего получил негодование со стороны младшего научного сотрудника Рива, который стоял у пульта управления и жестом показывал, что сначала я должен подойти к нему. Конфуз как он есть. Немного потупив глаза в пол, я отправился к нему. Меня быстренько проинструктировали на предмет того, что можно и нельзя делать в другом времени, дабы не вызвать коллапса. Внимательно прослушав материал — и почему меня не проинструктировали раньше? — я получил необходимое в путешествии снаряжение и всю необходимую документацию. Нарядившись в костюм, Рив пожелал мне удачи и хлопнул меня по плечу. Кивком я его поблагодарил и направился назад к пандусу. Только в этот раз я решил пройти мимо преподавателей, агента Пи и профессора. Кто-то хлопал меня по пле-

чу, кто-то тянул руку — видимо, верили, что у меня всё получится. Ну а на меня всё это просто наваливалось мёртвым грузом: ещё бы, такая ответственность. Дирдорф дал последнее напутствие и передал меня в руки агента. Вместе с ней мы направились к пандусу. Я всё не мог понять: для чего она идёт со мной? Меня же допустили до самостоятельного перемещения. Видимо, я что-то не знаю. А с другой стороны, помощь опытного коллеги никогда не помешает. Портал загорелся ярко-оранжевым светом — всё было готово. Длина пандуса была около 15 метров, с уклоном около 13 градусов. Хорошо хоть надо было идти на спуск.

— Давай, малыш, у тебя всё получится! — уже кричал во всё горло мастер Клаус; мне казалось, его просто распирало от гордости за меня.

— Держи спину ровно! — крикнула мадам Салазар.

Нескончаемые аплодисменты... С одной стороны, это очень здорово. Сразу представлял себя на сцене какого-нибудь Карнеги-холла, когда только что отыграл двухчасовой концерт классической музыки. Но в то же время вспомнился случай, о котором рассказывала мама: он произошёл у них в больнице. У хирургического отделения долгое время находился мужчина: ему требовалась пересадка сердца, причём срочно. Уже когда-то его сердце заменили биомеханическим. Но со временем тело начало давать отторжение. С донорами была очень большая проблема: люди ждали годами, когда появится новый трансплантат. И вот примерно в это

же время на другом конце страны человеку, осуждённому за убийство, было назначено наказание — смертная казнь. Что ж, наказание соразмерно преступлению. Не буду вдаваться в подробности, как и что именно произошло: я этого просто не знаю. Как получилось в итоге, его почти полностью разбирали на органы. Это была инициатива самого преступника. И вот, когда настал день казни, его привезли в больницу. Как и полагается по регламенту, предписывающему подобные ситуации, весь медперсонал встал по обе стороны длинного коридора больницы, по которому вели осуждённого. Врачи должны были отдать ему честь аплодисментами за его жертву на пользу и спасение других людей. История очень поучительная, хотя тут есть несколько вопросов к этике.

Почему-то в ту минуту я чувствовал себя не героем, а как будто бы идущим на казнь. Находясь уже прямо у самого портала, я ещё раз оценил его размеры и даже на какую-то секунду замешкался: меня пугала неизвестность того, что произойдёт через секунду. Агент Пи проскользнула вперёд меня, кинула мне через плечо: «Струсил?» — схватила меня за руку и потянула за собой. Портал нас полностью поглотил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.